

DOI: 10.31857/S086919080008441-2

ТАМГИ И РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ
НА ДВУХ СОСУДАХ С ОСТРОВА МУРУЙСКИЙ НА АНГАРЕ¹

© 2020

В.В. ТИШИН^а, А.Е. РОГОЖИНСКИЙ^б, Н.Н. СЕРЕГИН^с^{а, с} – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ^а – ORCID: 0000-0001-7344-0996; tihij-511@mail.ru^б – Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

ORCID: 0000-0001-6756-7691; alexeyro@hotmail.com

^с – Алтайский государственный университет, Барнаул

ORCID: 0000-0002-8051-7127; nikolay-seregin@mail.ru

Резюме: В статье предпринята попытка комплексного изучения двух металлических сосудов, обнаруженных в составе клада на острове Муруйский на р. Ангаре, которые стали известны широкой общественности в 2008 г. На основе сравнительного анализа находок подобных изделий торевтики в составе погребально-поминальных комплексов тюркского времени Центральной Азии делается вывод о принадлежности их к категории престижных предметов в качестве атрибутов социальной элиты кочевников VIII – начала IX в. Сопоставление нанесенных на сосуды знаков идентичности (тамга) с известными памятниками региона позволяет установить принадлежность двух из них представителям правящих кланов восточных тюрков и уйгуров (династии Ашина и Яглакар), а также других влиятельных кочевых объединений, занимавших центральные области Монголии в то же время. Знаки-тамги на горловине сосуда 2 находят аналогии преимущественно среди памятников Тувы и Минусинской котловины; их относительно позднее нанесение на поверхность сосуда связывается со временем падения Уйгурского каганата и экспансии кыркызов в Центральной Азии.

Новое прочтение рунической надписи на сосудах 2 основано на ознакомлении с предметом в фонде ГИМ в Москве и последующей работой с его высококачественными фотоснимками. В целом идентификация рунических знаков не вызывает затруднений, что позволяет предложить целостное прочтение надписи без допущений и грамматических натяжек. Вместе с тем, как представляется, часть надписи, размещенной на поврежденном участке поверхности сосуда, создана раньше остального текста, что не позволяет восстановить его полностью и соответственно заставляет с осторожностью отнестись к попыткам однозначной интерпретации содержания. Анализ орфографии показывает близость надписи к памятникам периода Уйгурского каганата (747–840/847), однако этому противоречат некоторые особенности графического фонда, которые могут объясняться включением в текст части знаков более ранней надписи.

Ключевые слова: Муруйский клад, памятники древнетюркской рунической письменности, тамга, социальная история, Ашина, Яглакар, кыркызы

Для цитирования: Тишин В.В., Рогожинский А.Е., Серегин Н.Н. Тамги и руническая надпись на двух сосудах с острова Муруйский на Ангаре. *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 191–206. DOI: 10.31857/S086919080008441-2

¹ Исследование В.В. Тишина и Н.Н. Серегина выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-59-44013. Работа А.Е. Рогожинского выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект ПЦФ № BR05236565 по теме «Этносоциальные, этнополитические и конфессиональные символы-маркеры в культуре кочевников Средневековья и Нового времени».

TAMGAS AND RUNIC INSCRIPTION ON TWO VESSELS FROM MURUISKY ISLAND ON THE ANGARA RIVER

© 2020

V.V. TISHIN ^a, A.E. ROGOZHINSKIY ^b, N.N. SEREGIN ^c^{a, c} – Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia^a – ORCID: 0000-0001-7344-0996; tihij-511@mail.ru^b – Institute of Archaeology named after A. Margulan, Almaty, Kazakhstan

ORCID: 0000-0001-6756-7691; alexeyro@hotmail.com

^c – Altai State University, Barnaul, Russia

ORCID: 0000-0002-8051-7127; nikolay-seregin@mail.ru

Abstract: The article deals with the attempt to comprehensively study of two metal vessels found in the treasure on Muruisky island on Angara river, which became known to the general public in 2008. Based on a comparative analysis of the findings of similar products torevtics in the memorial and funeral complexes of the Türkic period in Inner Asia, it is concluded that they belong to the category of prestigious objects as attributes of the nomadic social elite of the 8th – early 9th centuries A.D. Comparing the signs of identity (*tamga*) applied to the vessels with the famous monuments of the region allows it is possible to identify two of them as belonging to the ruling clans of the Eastern Türks and Uyghurs (the Ashina and Yaylaqar dynasties respectively), as well as to clans of other important nomadic unions of central areas of Mongolia of the same period. For tamga signs on the neck of vessel 2 it is possible to find analogies mainly among the monuments of Tuva and the Minusinsk depression. The fact of their relatively late application to the surface of the vessel refers to the time of the fall of the Uyghur Qaghanate and the expansion of the Qırqız in Inner Asia.

A new reading of the runic inscription on vessel 2 is based on the personal direct acquaintance with the artifact at the State Historical Museum in Moscow and subsequent work with its photographs of high-quality. In general, the identification of runic characters does not cause difficulties, the fact of which caused to offer an accurate reading of the inscription without assumptions and grammatical stretches. At the same time, it is possible that part of the inscription, which placed on the damaged field of the surface of the vessel, was created earlier than the rest of the text. Since the inscription was not completely restored, it seems correct to consider any interpretations premature. An analysis of spelling of the inscription shows the possibility to compare it with the monuments of the period of the Uyghur Qaghanate (747–840/847). The fact is partially contradicted by some features of the graphics, which, however, may be explained by the presence here of some signs of the mentioned above the earlier inscription.

Keywords: Muruisky treasure, Old Turkic Runic Writing Monuments, Tamga sign, monuments of the ancient Turkic runic writing, social history, Ashina, Yaylaqar, Qırqız

For citation: Tishin V.V., Rogozhinskiy A.E., Seregin N.N. Tamgas and Runic Inscription on Two Vessels from Muruisky Island on the Angara River. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 191–206. DOI: 10.31857/S086919080008441-2

ВВЕДЕНИЕ

Минуло десять лет после опубликования двух серебряных сосудов, задолго до того случайно обнаруженных на острове Муруйский на Ангаре [Николаев, Кубарев, Кустов, 2008]. Сведения об обстоятельствах этого открытия, напоминающих детективный сюжет, о последующей судьбе находок, а также общее описание и атрибуция сохранившихся предметов даны первыми исследователями памятника, которые ввели его в научный оборот и положили начало истории изучения *клада с острова Муруйский*. Наибольший интерес сразу вызвал один из предметов – сосуд 2 (мы следуем нумерации, данной первоисследователями), на котором имеется руническая надпись, поэтому вскоре появились новые публикации клада, где представлены первые попытки прочтения текста [Васильев-Дьяргыстай, 2009(1–2) (чтение Ц. Баттулги); Kubarev, 2015,

р. 61–62 (замечания М. Эрдала); Базылхан, 2015, 53 б.; Osawa, 2016]. Однако в распоряжении большинства специалистов находился, по-видимому, ограниченный набор хороших фотоснимков основных видов обоих сосудов, по которым, вероятно, сделаны рисунки артефактов и прорисовки граффити на их поверхности (авторство документальных материалов в публикациях не указано). Как становится ясно теперь, это немаловажное обстоятельство послужило препятствием для распознавания некоторых графем и соответственно убедительного прочтения надписи нашими предшественниками. Кроме того, в тех же графических материалах есть неточность в воспроизведении одного из знаков на донце сосуда 1; оказались неучтенными тамги на горловине сосуда 2 и целая группа символов на его донце, перекрываемых руническим текстом и хаотичными резными линиями, «не складывающимися в конкретное изображение» [Kubarev, 2015, р. 56]. Все это побуждает нас уклониться от подробного критического рассмотрения ранее предложенных нашими коллегами интерпретаций рунического текста и собраний знаков (тамга) на обоих сосудах, с тем чтобы перейти к изложению результатов самостоятельного изучения памятника.

Данное коллективное исследование основано прежде всего на ознакомлении *de visu* с предметамиклада в хранилище Государственного исторического музея в Москве, а также на рассмотрении приобретенных высококачественных фотографий общего вида и деталей обоих сосудов (В.В. Тишин и Н.Н. Серегин при любезном содействии Е.Ю. Гончарова, научного сотрудника Института востоковедения РАН, и Ю.В. Демиденко, научного сотрудника Государственного исторического музея, 2017 г.). В дальнейшем по крупным фотоотпечаткам видов сосудов (30×40 см) сделана прорисовка изображений и знаков, определена вероятная очередность их создания на поверхности предметов и выполнена реконструкция рунического текста на донце сосуда 2 (А.Е. Рогожинский и В.В. Тишин, 2018 г.). Все это позволило с учетом достижений предыдущих исследователей памятника существенно дополнить его характеристику как источника и получить новые результаты, которые представляются здесь впервые.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРЕДМЕТОВ

Металлические сосуды составляют довольно редкую группу находок в памятниках Центральной Азии периода раннего средневековья. Вместе с тем в результате археологических исследований в различных частях региона к настоящему времени сформировалась представительная коллекция таких предметов. Анализ имеющихся материалов позволяет рассматривать вопросы интерпретации значения сосудов в материальной и духовной культуре кочевников.

В монографии, опубликованной уже более 30 лет назад, Д.Г. Савинов [1984, с. 124–125] пришел к выводу, что известные тогда металлические сосуды из памятников юга Сибири второй половины 1-го тыс. н.э. могут быть разделены на два типа, которые, в свою очередь, соотносятся с двумя крупнейшими общностями кочевников раннего средневековья. Изделия первого типа, по наблюдениям археолога, были зафиксированы, за редким исключением, в комплексах тюрков, а предметы второго типа – в некрополях кыргызов. Имеющиеся на сегодняшний день материалы в целом подтверждают это наблюдение и позволяют детализировать данный тезис.

Интересующие нас изделия первого типа, к которым относятся и муруйские сосуды, характеризуются следующими основными признаками: низкий поддон; округлое или слегка выпуклое тулово; небольшой уступ, отделяющий невысокую шейку; отогнутый венчик; вертикальная кольцеобразная ручка (гладкая или рельефная), припаянная к наиболее широкой части сосуда. В археологических комплексах Центральной Азии известны находки восьми подобных предметов. Аналогии таким изделиям имеются как на со-

предельных, так и на отдаленных территориях [Илюшин и др., 1992, рис. 44.–1; Залеская и др., 1997, кат. 70; и др.].

Анализ случаев фиксации металлических сосудов в рассматриваемом регионе позволяет обозначить тенденции распространения изделий в памятниках различных типов. Большая часть предметов (6 экз.) обнаружена в ходе раскопок погребений или кенотафов тюрков на некрополях Балык-Соок-I [Кубарев, 2005, табл. 130.–1], Бертек-34 [Савинов, 1994, рис. 108–109], Катанда-II [Смирнов, 1909, табл. ХСII, 169; Захаров, 1926, с. 104], Мойгун-Тайга-58-IV [Грач, 1960, рис. 88; Kenk, 1982, Abb. 17.–38], Талдуаир-I [Кубарев, 2005, табл. 100.–7], Туэкта [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 113; Киселев, 1949, табл. LXI.–5, 7] (табл. 1, 1–5). Один серебряный сосуд зафиксирован в составе тюркского поминального комплекса Юстыд [Кубарев, 1979, с. 140, рис. 8–9]. Другое подобное изделие обнаружено в ямке под насыпью кургана, расположенного на площади могильника Калбак-Шат, рядом с кыргызскими захоронениями [Маннай-оол, 1963, с. 240–241, табл. II.–12]. Наконец, отдельную группу предметов демонстрируют недавние находки в Монголии. Один из найденных серебряных сосудов мог быть частью сопроводительного инвентаря ограбленного «элитного» погребения комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I). Судя по имеющейся информации, данное изделие обнаружено местным жителем в непосредственной близости от памятника [Осава, Сузуки, Лхүндэв, 2011; Munkhtulga, 2013, p. 27, fig. 7]. Золотой сосуд обнаружен в ходе раскопок другого «элитного» памятника Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) [Очир и др., 2013, 51 дугаар зураг].

Важную информацию об особенностях использования сосудов дает их анализ в контексте погребальных комплексов. Прежде всего следует обратить внимание на то, что, за единственным исключением, подобные изделия встречены в мужских захоронениях. При этом в погребениях помимо сосуда почти во всех случаях находился представительный набор вооружения, а также других предметов, демонстрирующих относительно высокий статус умершего в военной организации. Данное обстоятельство является подтверждением тезиса о том, что сосуды являлись частью «дружинной» культуры тюрков, демонстрируя принадлежность человека к определенной общественной группе [Худяков, 2003, с. 137]. Следует также учесть, что изображения сосудов, как атрибуты, дополняли канонический образ мужчины-воина, запечатленный в реалистичных тюркских изваяниях (табл. 1, 6–8). Единственное женское погребение, в котором обнаружен серебряный сосуд, в целом является скорее исключительным, чем типичным [Савинов, 1994, с. 104–119, рис. 96–111]. Одним из ярких отличительных признаков данного объекта является весьма сложная по конструкции каменная насыпь. В могиле находилась пожилая женщина, которая, судя по отмеченным элементам обряда и находившемуся в захоронении представительному предметному комплексу, занимала при жизни высокое положение.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что металлические сосуды являлись своего рода социальным маркером у тюрков Центральной Азии, демонстрируя определенный статус человека в обществе кочевников. Данный тезис подкрепляется находками золотых и серебряных сосудов разного типа в мемориальном памятнике в честь Бильге-кагана [Баяр, 2004, рис. 10–13], который, очевидно, отражает предметный комплекс высшей элиты каганата.

Одной из интересных деталей погребальной обрядности является традиция расположения металлических сосудов в могиле. Практически во всех случаях такие изделия находились около головы умершего человека. Даже в кенотафе, исследованном на могильнике Мойгун-Тайга-58-IV, такое изделие обнаружено в том месте, где могла располагаться голова отсутствовавшего погребенного [Грач, 1960, рис. 73]. Подобная традиция отмечена у тюрков Центральной Азии также относительно расположения в могиле керамических сосудов.

Отдельного внимания требует вопрос о времени бытования сосудов первого типа, в том числе найденных на острове Муруйский. Погребения с такими изделиями относятся к различным этапам культуры тюрок и датируются в широких рамках второй половины VII–X вв. При этом хронология большей части объектов определяется VIII–IX вв. В связи с немногочисленностью рассматриваемых предметов довольно сложно проследить их изменение во времени и определить датирующие признаки. Однако если принять во внимание предположение Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 62] о том, что развитие облика металлических сосудов происходило от приземистых форм к более вытянутым, то муруйские сосуды следует отнести к VIII – началу IX в.

СОСТАВ, РАЗМЕЩЕНИЕ ЗНАКОВ НА СОСУДАХ И ИХ АТТРИБУЦИЯ

Сосуд 1. Четыре знака нанесены на донце резцом, оставлявшим сходные по глубине линии, но неодинаковые по ширине при разном наклоне инструмента; по-разному выполнено соединение штрихов, составляющих округлые и дугообразные элементы фигур. В целом сложные формы знаков воспроизведены уверенно, но не рукой опытного гравера; не исключено, что они нанесены на сосуд разными людьми. Между тем тамги соразмерны по величине, хотя центральная выглядит крупнее, и размещены в определенном порядке, который в отношении трех знаков (I-1, I-2, I-3) точно соответствует тамговой композиции на вершине стелы Элетмиш Бильге-кагана (Могойн Шинэ-усу). Это важное обстоятельство, поскольку подобный порядок расположения знаков в том же сочетании на одном объекте нигде более не зафиксирован. По-видимому, все тамги на сосуде образуют одновременное собрание знаков.

Сосуд 2. Судя по виду, ценный предмет имел непростую «политическую биографию» – именно политическую, поскольку на нем присутствует знак идентичности, использовавшийся правящим кланом восточных тюрок первой трети VIII в., что было сразу отмечено Г.В. Кубаревым [Kubarev, 2015, p. 60]. Сосуд не раз переходил из рук в руки, при смене владельцев утрачивая прежние и обретая новые элементы декора, наносившиеся на его донце и горловину. К сожалению, даже высококачественные фотографии предмета не позволяют установить характер самых ранних гравированных изображений на донце сосуда: визуально различимы лишь отдельные группы связанных по смыслу линий каких-то тщательно затертых изображений.

Более отчетливо распознаются гравированные рисунки, появившиеся на донце после удаления на нем ранних изображений; данную серию гравюр можно отнести к первому этапу декоративного оформления предмета. В тот момент на донце сосуда появились две миниатюрные гравюры в виде тамгообразных козликов, и перед каждым – дуга или полумесяц, обращенный выгнутой стороной вправо; напротив них – еще две дуги, развернутые в обратную сторону, но размещенные симметрично паре других похожих знаков. На выпуклой поверхности донца глубокой двойной линией прорезан крупный знак-полумесяц, однако эта тамга расположена не строго по центру, а заметно смещена к краю. Вдоль выпуклой стороны полумесяца поперек донца прорезана сплошная прямая линия, разделяющая поверхность на две почти равные части. Эта линия не перекрывает ни одну из названных фигур, но сама многократно пересечена более поздними бороздами. Возможно, таким способом, по замыслу резчика, выделялась область еще для одного изображения, но никаких следов цельного рисунка здесь различить не удастся. Таким образом, на донце сосуда находятся не менее семи тамгообразных фигур двух типов: два знака в виде козлика и пять – в форме дуги-полумесяца. Все они относятся к первому этапу декоративного оформления сосуда (табл. 5, 1).

Нельзя исключить, что помимо тамгообразных рисунков на том же этапе была создана какая-то часть знаков рунического текста. Во всяком случае, несколько графем, кото-

рые расположены по обе стороны от оксидного пятна и трещины на донце, заметно отличаются от остальных и видом прорезанных линий, и способом их соединения в знаки (группа знаков № 39–46, см. ниже).

В какой-то момент к имевшимся на сосуде гравировкам добавилось небрежно процарапанное натуралистическое изображение животного (сайга?), вписанное между двумя тамгами в форме козлика. В отличие от них этот примитивный рисунок нельзя принять за тамгу; это скорее скетч, какие нередко встречаются среди петроглифов тюркской эпохи [Мухарева, Серегин, 2016, рис. 6, 4].

Последовательность изменений в декоре сосуда на следующем этапе реконструируется на основе стратиграфических наблюдений, сопоставления технических особенностей граффити и композиционного их размещения (табл. 4, 5, 6). Очередность трансформаций представляется следующим образом.

Центральная часть донца была исчерчена более чем 20-ю линиями разной длины и глубины, многократно и намеренно грубо пересекающими рисунок тамги-полумесца. Граффити сайги (?) и тамга в виде козлика зачеркнуты волнистой линией, имеющей сходство по техническим параметрам со многими штрихами, хаотично покрывающими донце сосуда, а также линиями некоторых рунических знаков, нанесенных затем по кругу на поддоне поверх уже существовавших изображений. Ряд отдельных линий и несложных геометрических фигур, возможно, тоже относится к этому этапу. В частности, после создания круговой надписи прорезана фигура, которую Т. Осава рассматривает как китайский иероглиф. Она расположена напротив /к/, обособленного двумя разделительными знаками, но нанесена другим инструментом, оставившим две параллельные борозды разной глубины (табл. 5, 2)¹.

Важно определить, когда были нанесены еще четыре тамги, размещающиеся на горловине сосуда (II-1–4). Думается, это произошло после того, как вся удобная поверхность донца оказалась занята рунической надписью и хаотичной штриховкой, повредившей тамгу-полумесец и кроссировавшей остальную часть изобразительного поля.

Знаки на шейке сосуда выполнены инструментом, оставлявшим на поверхности неглубокие узкие прорезы. Если рассматривать тамги в последовательности против часовой стрелки от ручки сосуда, порядок очередности будет таков: (II-1), (II-2), (II-3), (II-4). Два первых знака отделяет значительный интервал, два последних расположены от них на диаметрально противоположной стороне горловины и рядом, почти касаясь друг друга. При явном избытке свободного места на поверхности сосуда такое размещение знаков II-3 и II-4 может расцениваться как демонстрация тесной связи их обладателей. Это предположение подтверждается наличием комбинированных знаков, состоящих из двух подобных фигур, которые известны на некоторых памятниках Монголии, Тувы и Хакасии (табл. 6, 4, 6–8).

Атрибуция знаков. Тамги I-1, I-2, I-3 на донце сосуда 1, как сказано выше, идентичны по форме и композиции собранию знаков на стеле из Могойн Шинэ-усу, что было верно отмечено Т. Осава, которым установлен и возможный период создания знаков на сосуде: 747–759 гг. [Osawa, 2016, с. 58]. Более того, это уникальное совпадение позволяет рассматривать оба памятника – сосуд 1 из Муруйского клада и монумент Элетмиш Бильгегана в Монголии – в общем историческом контексте и предполагать с большой долей вероятности их принадлежность некогда единому археологическому комплексу. Например, сосуд 1 мог входить в инвентарный комплекс погребально-поминального мемориала

¹ Вероятно, Т. Осава исходил из возможности увидеть здесь начертание ключа «десять», но о случайности такого выбора следует говорить потому, что с таким же успехом можно подобрать другие иероглифы, например с мнимым ключом «земля» (примечание В.В. Тишина).

ла Элетмиш Бильге-кагана (747–759); в таком случае акт создания композиции знаков на сосуде близок ко времени сооружения монумента: 759–760/761 гг. [Кляшторный, 1980, с. 85–86; Rybatzki, 2011, p. 65–66, 71].

Примечательной аналогией знаку I-1 является тамга на донце сосуда из могильника Курай I в долине Чуи на Алтае (табл. 3, 5). В целом знак надежно идентифицируется по находке билингвы Кары Чор-тегина (775–795) в Сиане как династийная тамга каганского рода уйгуров – *Яглакар* [Alyılmaz, 2013, s. 52–53; Luo Xin, 2013, s. 76–78]. Находки таких знаков чрезвычайно редки и особенно значимы ввиду высокого политического статуса эмблемы [Рогожинский, Черемисин, 2019, с. 50, рис. 3].

Тамга I-2 имеет своеобразную форму, основу которой составляет знак в виде серпа с рукоятью и дополнительной фигурой наподобие замкового ключа. Можно указать не менее 10 местонахождений этой тамги, включая монументы в Шивэт-улан, Могойн Шинэ-усу и, вероятно, Суджи; остальные – одиночные тамга-петроглифы или в сочетании с тамгами других типов, в том числе со знаком I-3 (табл. 3, 8, 11–14). Основной ареал тамги I-2 включает центральную часть Монголии, но отдельные знаки-петроглифы зафиксированы у северных границ Гоби. Эта тамга входит в группу типологически близких знаков (не менее 5-ти разновидностей), основным элементом которых выступает серповидная фигура (основная тамга), усложненная дополнительными линиями или соединенная с другой фигурой, как в тамге I-2. Одним из знаков этой группы является тамга, высеченная у основания двух монументов Элетмиш Бильге-кагана – Терхинского памятника и Могойн Шинэ-усу [Кляшторный, 1980, с. 95 (примеч. к таблице тамг), табл. 1, б, в].

Недавно Ю.Н. Есиным выдвинуто предположение о принадлежности основной тамги данного типа уйгурам [Есин, 2017, табл. 2]. В поддержку такого отождествления можно указать, что ареал серповидной тамги и ее разновидностей отмечен многими местонахождениями на скалах и мемориалах Монголии – от границ Гоби до северных отрогов Хангая, а вне очерченного ареала тамга представлена единичными находками в Центральной Туве [Беликова, 2014, с. 101, рис. 23], Монгольском Алтае (Цагаан-Салаа IV) и в Семиречье (Тамгалы). Возможно, этими удаленными пунктами нахождения тамги отмечены направления экспансии уйгуров в период их возвышения (подчинение чиков Тувы в 750–753 гг., енисейских кыркызов в 758 г.) [Кызласов, 1969, с. 57–58; Камалов, 2001, с. 89–90], а затем перемещения отдельных групп населения на запад и юго-запад после разгрома Уйгурского каганата кыркызами [Малаявкин, 1974, с. 7].

Наконец, в пользу вероятной атрибуции тамги I-2 как «не кыркызской», а скорее «уйгурской», косвенно свидетельствует возможность переинтерпретации начальных строк эпитафии на стеле из Суджи [Тишин, 2018], вершину которой венчала сходная тамга. К сожалению, сегодня невозможно уточнить истинное начертание этого знака на утраченной стеле, но даже схематичная и, по-видимому, не совсем точная зарисовка знака [Кляшторный, 2007, рис. на с. 194] позволяет различить в нем основные элементы именно тамги I-2.

Знак I-3 присутствует на обоих мемориалах Элетмиш Бильге-кагана (Могойн Шинэ-усу, Терхинская стела; табл. 3, 1, 16); на муруйском сосуде 1 и на вершине стелы из Могойн Шинэ-усу он занимает одинаковое положение относительно каганской тамги Яглакар. Тамга входит также в собрания знаков на стелах из Бомбогор (внизу) и Шивэт-улана (вверху). Среди петроглифов Монголии тамга I-3 зафиксирована в трех пунктах: в Хуругийн-узуур и Янгирт в центре Хангая, а также в Шахаар, в восточной оконечности Алтая (табл. 3, 8, 12, 14). В последнем случае тамга нанесена на скалу вместе с короткой рунической надписью и серповидной тамгой, а в Янгирт – в сочетании с тамгой I-2. Примечательно сочетание знака I-3 с тамгой в виде козлика, традиционно связываемой с восточной ветвью династии Ашина: на балбале из мемориального

Тамга I-4 чрезвычайно редкая: на известных памятниках Монголии зафиксирована на скале Тайхар (Хойт-Тамир) (табл. 3, 7) и, возможно, на стеле из Шивэт-улана, причем в последнем случае знак из двух субпараллельных дуг в верхней части обелиска был тщательно затерт, прежде чем рядом выбита тамга I-3, упомянутая выше. Аналогии тамге I-4 известны за пределами Монголии: на севере Минусинской котловины возле оз. Учум и на Алтае в Калбак-Таш II (табл. 3, 17, 18), где тамга с оговоркой принята М. Эрдалом за рунический знак [Кубарев, 2016, с. 94, рис. 3, 4]. До появления новых материалов по тамгам подобного типа с территории Монголии и юга Сибири для их атрибуции остаются значимыми, во-первых, свидетельство Махмұда ал-Қашғарұ [Махмұд ал-Кашгари, 2005, с. 94] о принадлежности такой тамги огузскому роду *жуванлар* и, во-вторых, наскальные изображения тамги I-4 среди других известных по рукописи Махмұда ал-Қашғарұ знаков огузов на стене грота в каньоне Каракавак на Мангыстау (фотографии памятника любезно предоставлены А.Е. Астафьевым) и вблизи Эрзерума в Анатолии [Ceylan, 2008].

Вторая группа знаков, за исключением тамги II-1, точные аналогии которой нам не известны, вполне определенно может быть сопоставлена с большой группой памятников (мемориалов и тамга-петроглифов) Центральной Тувы и правобережной части Енисея в Минусинской котловине (табл. 6, 2–4, 8–10, 15–17). Несомненно, появление знаков на горловине сосуда 2 следует связывать хронологически с экспансией енисейских кыркызов и крушением Уйгурского каганата (840 г.), а принадлежность знаков – с мемориантами тувинских эпитафий Е-2, Е-10, Е-51, Е-52, Е-53, Е-70, Е-109, Е-147 и Е-149.

Ознакомление *de visu* с надписью подтвердило, что речь идет именно о памятнике древнетюркской рунической письменности, а возможность перепроверки знаков (табл. 5, 2), как было сказано в начале статьи, исключает необходимость обсуждения чтений и переводов предшественников. На основе собственных исследований мы можем предложить следующее прочтение, которое предлагается начинать с дефектной части поверхности донца.

:k:₂₅ n h q t b₂₀ | l:l₁₅ y t y t n₁₀:l b y t₅ h h d r e ///
/// b(?) : (?) s (?) i(j?)₄₅ f(?) x y: l(?)₄₀<n>) (?) g h t₃₅ b | l h h₃₀ y y

$$\langle \dots \rangle \text{ t}^1 \gamma \text{ j}^1 \text{ M n}^2 \text{ s}^2 \text{ r}^2 \text{ j}^2 \text{ k} \text{ I:}_{10} \text{ v}^2 \text{ r}^2 \text{ j}^2 \text{ j}^2 \text{ k} \text{ I:}_{15} \text{ P s}^2_{20} \text{ k} \text{ r}^2 \text{ M j}^2 \text{ w}^2_{25} \text{ t}^2 \text{ :} \\ \text{ k}^2 \text{ k}^2_{30} \text{ M n}^2 \text{ P s}^2_{35} \text{ k} \text{ r}^2 \text{ M j}^2 \text{ n}^1(?) \langle \ddot{\text{v}} \rangle_{40} \text{ C? :} \text{ s}^1 \text{ d}^2 \text{ g(?) }_{45} \text{ j}^2 (\text{l}^1?) \text{ s}^1(?) \text{ : (?) } \text{ k} (?) \langle \dots \rangle$$

Транскрипция:

<...>t(a)γ(a)j(i)m(i)n² (e)r(i)η^üki : ür(ü)η (e)r(i)η^üki : (a)p sök(ü)rm(ä)jü : (e)t : k(e)k(i)m(i)n (a)p sök(ü)rm(ä)jü č? : (ä)š^l(i)d (ä)g(ä)η(ä)s^l (?) : (?) ^ük(?) <...>

Перевод (буквальный):

<...>...[при помощи] дяди [по материнской линии] моего, [тех, кто относится к] раздраженным (= пренебрегающим, отвергающим), белых (= светлых / чистых, благородных) [(из) тех, кто относится к] раздраженным (= пренебрегающим, отвергающим), ни в коем случае не заставляя преклонить колени, (об)устрой (= организуй, приведи в порядок), гневом (или 'желанием мести'?) моим [одержимый,] ни в коем случае [их] не заставляя преклонить колени, услышь, Эгенгес(?) ! ... <...>

Комментарий:

t(a)γ(a)j-(i)m-(i)n² (знаки 1–5): слово *taγaj*, букв. 'дядя с материнской стороны' ('maternal uncle'), встречается в нескольких древнеуйгурских документах и впервые расшифровывается у Махмұда ал-Кāшгарī как 'брат матери (*l-hāl*)', ср. в других тюркских языках *tāj*, *dayı* [Clauson, 1972, p. 474; *Древнетюркский словарь*, 1969, с. 526; Baştuğ, 1993, p. 13].

Слово снабжено аффиксом принадлежности 1 л. ед. ч. +(X)m и показателем инструментального (орудно-совместного) падежа +(X)n. Наличие знака /n²/ в аффиксе инструменталиса у слова с заднерядным вокализмом, т.е. вопреки гармонии согласных, регулярно фиксируется в монументальных памятниках Тюркского каганата при его присоединении к личному аффиксу 3 л. ед. ч. +(s)ln, где неогубленный узкий гласный всегда получает графическое обозначение. Однако в более поздних текстах, таких как Терхинская и Суджинская надписи, зарегистрировано использование /n²/ в аффиксе инструментального падежа в сочетании с личным аффиксом 1 л. ед. ч. +(X)m, при этом гласный аффикса не выписывается [Erdal, 2004, p. 55–56, 130, 185]. Это же явление соответственно наблюдается в рассматриваемой надписи.

(e)r(i)η(ü)ki (знаки 6–9, 14–17): предполагается *eriñü+ki*, где *eriñü* < *er-in-* + *-GU*, с фюзией *-n+g->-η-*. Ахмет Джэват Эмрэ отмечал зафиксированное в «*Dübān Luğāt at-Turk*» *ermegü* 'tembel' как возможное образование от *eringü* [Emre, 1943, s. 84], ср.: [Clauson, 1972, p. 232, 235], где слово *ärmägü* в значении 'lazy, slothful' отмечается как возможное отрицательное глагольное имя на *-gü*, но также отмечается возможная семантическая связь с *ärin-*. См. также не имеющее ясного контекста др.-уйг. [...]*jeriñgü* (U 5333 (Т III М 193), 20а, стк. 10) [Kara, Zieme, 1977, S. 56, Taf. XIX, A 400]. Сэр Дж. Клосон разводит основы *ärin-* (?*erin-*) 'to be lazy, indolent' и *irin-* (?*erin-*) 'to be miserable, unhappy' [Clauson, 1972, p. 235], отдельно от последнего отмечая *jerin-* < *je:r-* 'to be loathe (something, esp. food, Acc.); to criticize, or blame (someone Acc.)' [Clauson, 1972, p. 910, 855]. М. Эрдал пишет о слове (*j*)*er-in-* 'to be annoyed at or impatient with (and therefore in some exs. to be negligent about) someone or something', предлагая объединить все обозначенные у Дж. Клосона основы, возводя к исходному *jer-* 'to loathe, oppose, despise, criticize' [Erdal, 1991, vol. II, p. 599–600].

Здесь +KI является отыменным аффиксом, выступающим как показатель принадлежности относительно времени и места. В памятниках он фигурирует в разнообразных синтаксических функциях, обычно обстоятельства; образуемые им формы чаще всего релятивны, потому условно характеризуются как относительные прилагательные, но могут также выступать самостоятельно [Erdal, 2004, p. 186–188, 190].

ür(ü)η (знаки 11–13): слово 'белый' в самом общем значении [Clauson, 1972, p. 233–234], 'белый, светлый', 'перен. чистый, благородный' [*Древнетюркский словарь*, 1969, с. 627]. При интерпретации слова в контексте рассматриваемой надписи предполагается возможным ориентироваться на фрагмент надписи Могойн Шинэ-усу, где сочетание *ür²l²b²gg* (МШУ, Вост., стк. 10(22)) интерпретируется как *ür(ü)η b(ä)g-(i)g* (вин.

пад.) в значении ‘белые (= «благородные») беги» [Giraud, 1960, p. 88; Moriyasu, 1999, p. 193].

(a)p ... <...> (a)p ... <...> (знаки 19, 33): усилительная препозитивная частица, в удвоенном варианте использующаяся в двух случаях: в древнеуйгурских памятниках в значении ‘как ..., так и ...’, ‘и ..., и ...’, в караханидских памятниках всегда в отрицательном значении ‘ни ..., ни ...’, как с именами, так и глаголами (в том числе положительными) [Древнетюркский словарь, 1969, с. 47; Clauson, 1972, p. 3; Erdal, 2004, p. 308].

В тексте частица оба раза предшествует глагольным конструкциям *sökürmäjü et-* и *sökürmäjü äšid-* (см. ниже), потому здесь они скорее усиливают отрицание, передаваемое первым элементом. По этой причине, по-видимому, здесь его можно было бы передать наречиями типа «ни в коем случае», «ни за что».

s(ö)k(ü)rm(ä)jü (знаки 20–25, 34–40): мы следуем догадке М. Эрдала [Kubarev, 2015, p. 61–62], где *sök-* ‘преклонять колени’, ‘опускаться на колени’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 510; Clauson, 1972, p. 819], переходный глагол, предполагающий наличие прямого объекта действия, стоящего в винительном падеже; глагольная основа с аффиксом *-Ur-*, показателем активного залога от непереходных глагольных основ. М. Эрдал отмечает значение ‘to make someone kneel in one’s presence’ [Erdal, 1991, vol. II, p. 720–721]. Глагол снабжен аффиксом отрицания *-mÄ-* и показателем *-jU*, образующим конвербы относительного времени, обозначающие сопровождающее действие; он может быть обозначен как деепричастие, которое синтаксически выступает как показатель действия, одновременного с основным или предшествующего ему, характеризуя его с точки зрения образа действия [Erdal, 2004, p. 312, 314].

При первом случае употребления глагола *sökürmäjü* объектом действия может считаться конструкция из однородных членов *ärinüki ürün ärinüki*, каждый из которых стоит в основном падеже (в функции прямого дополнения его иногда считают неоформленным винительным) [Аманжолов, 2012, с. 45–46; Кононов, 1980, с. 150–151; Erdal, 2004, p. 361–364]. Во втором случае, надо думать, прямое дополнение опускается, но подразумевается [Боргояков, 1957, с. 4; Аманжолов, 2012, с. 111], что, в свою очередь, вероятно, может рассматриваться как проявление эллипсиса [Erdal, 2004, p. 432–433].

Между графемами № 38 и 41, показывающими соответственно фонемное значение /j¹/ и /č/, начертан дугообразный знак, который должен быть интерпретирован как /n¹/, при этом к верхней части знака № 41 слева пририсован элемент в виде уголка. Предполагается на основе этого интерпретировать последний как попытку передать /ü/ и игнорировать гипотетический /n¹/, который никак не может быть истолкован.

(e)t (знак 27): неоформленное повелительное наклонение глагола *et-* с исходным значением ‘to organize, put in order’ [Clauson, 1972, p. 36], ‘делать, производить, совершать, исполнять’ [Севортян, 1974, с. 312], используя также в отношении *bodun* и *el*. «В старейшем производном *itig* ... со значениями названия действия и орудия представлена древнейшая семантика глагола *et-* ~ *ит-*: ‘основание/учреждение чего-л.’, ‘устройство’, ‘придание формы’..., ‘инструмент» [Севортян, 1974, с. 313].

k(e)k-(i)m-(i)n (знаки 29–32): предполагается форма с аффиксом 1 л. ед. ч. *+(X)m*, в инструментальном падеже, от слова *kek* “originally prob. ‘malice, spite, secret hatred’; thence ‘a desire for revenge’, and finally ‘revenge’ and other extended meanings” [Clauson, 1972, p. 707]. Исходя из сравнительного материала, значения ‘гнев’, ‘ненависть’, ‘злоба’, ‘вражда’ выступают основными [Этимологический словарь..., 1997, с. 24–26].

(ä)š(i)d (знаки 43–44): неоформленное повелительное наклонение глагола *äšid-*, как отмечает сэр Дж. Клосон, “primarily ‘to hear (something *Acc.*.)’ in a physical sense, with some extended meanings, like ‘to get news of (something *Acc.*.)’ and, esp. in the Imperat., ‘to listen’ without specific Object, although ‘to listen’ is properly **tiŋla:-**” [Clauson, 1972, p. 257].

(e)g(ä)ŋ(ä)s¹ (знаки 45–47): никакого адекватного чтения для предположительно идентифицируемых знаков подобрать не представляется возможным. Только в рамках гипотезы предлагается интерпретировать это как личное имя, хотя и оно не может быть уверенно этимологизировано.

Замечания к графическому фонду

Предлагаемое прочтение надписи возможно осуществить, только приняв предложенную М. Эрдалем идентификацию одного из знаков, 𐰽 (№ 4, 23, 31, 37), как /m/, ранее неизвестного в таком фонемном значении [Васильев, 1983, с. 122–124, табл. 18; особо см. на с. 125, табл. 18, стк. 41]. Заслуживает внимания практика употребления сибилантов. Знак s¹ употребляется только в памятниках Тюркского каганата [Васильев, 1983, с. 133–134, табл. 25; 135–136, табл. 26; Кляшторный, 2006, р. 161, fig. 3], преимущественно в велярном ряду, где выступает соответственно в значении глухого свистящего сибиланта [s], а в качестве шипящего сибиланта – в памятнике Тоньюкука, но почти исключительно в соседстве с узким неогубленным гласным, в том числе в палатальном ряду [Малов, 1951, с. 70; Кононов, 1980, с. 65]. В этом же значении глухого [s] знак употребляется в Таласских памятниках [Alimov, 2014, s. 25, No. 21]. Формы, читаемые в äs¹id и далее s¹ (№ 41), не характерны для монументальных памятников Уйгурского каганата [Кляшторный, 2006, р. 161, fig. 3]. Предполагается также воздержаться от определения в качестве датирующего признака формы знака /t¹/ (№ 1) [Тишин, 2019, с. 42].

ВЫВОДЫ

Комплексное изучение предметов Муруйского клада с позиций археологии, тюркской рунологии и тамговедения позволяет сделать ряд заключений.

1. Оба сосуда – металлические пиршественные кружки-кувшины – относятся к редким изделиям тюркской торевтики VIII–IX вв., которые могли входить в ограниченный круг престижных изделий (как местного производства, так и привозных, см., например: [Серегин, Тишин, 2016]), выступавших атрибутами власти и высокого общественного положения правящей кочевой элиты.

2. Сосуды 1 и 2 отличаются по профилю и техническим деталям; вероятно, они изготовлены разными мастерами и в разное время, но в том и другом случае их первыми обладателями (заказчиками?), судя по тамгам, были представители правящих групп восточных тюрков или их сателлитов (сосуд 2, знак Ашина и тамга-полумесяца) и уйгуров (сосуд 1, тамга I-1).

Уникальное совпадение композиции знаков (тамги I-1, I-2 и I-3) на сосудах 1 и на стеле из Могойн Шинэ-усу служит веским основанием для сопоставления двух событий – возведения мемориала Элетмиш Бильге-кагана и создания символического собрания знаков идентичности на ценном сосуде, который мог входить, например, в набор ритуального инвентаря того же мемориала: около 759–761 гг.

Время появления группы знаков на донце сосуда 2 укладывается в короткий интервал, отмеченный возникновением мемориалов Кюль-тегина (732 г.), Бильге-кагана (735 г.) и Донгойн-ширээ (735–745), на которых зафиксировано сочетание тех же знаков идентичности. В этот период и, видимо, позже обладателями сосуда оставались представители пока не идентифицированного клана, которым принадлежала тамга в форме полумесяца и которые так же, вероятно, сохранили высокое положение в этнополитической иерархии на начальном этапе существования Уйгурского каганата (тамга I-3 на сосудах 1 и на двух мемориалах Элетмиш Бильге-кагана). Тамги на горловине сосуда 2, безусловно, относятся к типам знаков, наиболее часто встречающихся на памятниках Тувы и Минусинской котловины; их появление здесь и порча донца сосуда с вырезанной тамгой I-3 могут означать переход предмета (трофея?) в руки новых владельцев. Допустимо связывать

эту акцию с событиями уйгурско-кыргызских столкновений от начала военной экспансии уйгуров в Туву до вторжения кырзызов в земли Уйгурского каганата. Таким образом, период нахождения в обиходе сосуда 2 охватывает не менее одного столетия: середина VIII – середина IX в.

3. Надпись на донце сосуда 2 выполнена древнетюркским руническим письмом и может быть в значительной части прочитана, несмотря на наличие лакуны. Орфографические особенности позволяют формально сближать надпись с памятниками Уйгурского каганата. Однако по палеографическим характеристикам памятник примыкает, скорее, к надписям периода доминирования тюркской династии Ашина. Впрочем, это касается части текста, расположенной на поврежденном участке поверхности, которая может принадлежать какой-то более ранней надписи. Важной особенностью надписи является наличие не зарегистрированного прежде, и потому уникального аллографа знака с фонемным значением /m/, как установлено еще М. Эрдалем.

Соотнося эти сведения с данными, полученными на основе анализа тамгового материала, можно предположить, что в дошедшем до нас виде надпись была создана в период Уйгурского каганата.

4. Что касается общей интерпретации обстоятельств обнаружения сосудов на острове Муруйский, то недостаточность данных о комплексе находок не позволяет пойти дальше предположения, что эти изделия могли являться частью клада [Николаев, Кубарев, Кустов, 2008, с. 182]. Значительная удаленность находок от основного района концентрации подобных предметов, вероятно, объясняется участием владельца сосудов в военных походах либо может являться результатом торговых контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. В кн.: Аманжолов А.С. *Опыт изучения тюркских языков*. Астана: Фолиант, 2012. С. 9–152 [Amanzholov A.S. A Verbal Government in Old Turkic Monuments. In: Amanzholov A.S. *An Experience in the Study of Turkic Languages*. Astana: Foliant, 2012. Pp. 9–152 (in Russian)].

Базылхан Н. Көне түрік бітік жазулы кейбір ескерткіштер туралы. *Тіл және қоғам*. 2015. № 1(39). 43–57б. [Bazylkhan N. About Some Old Turkic Writing Monuments. *Til zhāne qogham = Language and Society*. 2015. Vol. 1(39). Pp. 43–57 (in Kazakh)].

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана. *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 4(20). С. 73–84 [Bayar D. New Archaeological Excavations at the Bilge Kagan Monument. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2004. Vol. 4(20). Pp. 73–84 (in Russian)].

Беликова О.Б. *Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект)*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014 [Belikova O.B. *The Last expedition of A.V. Adrianov: Tuva, 1915–1916: An Archaeological researches (Source Study Aspect)*. Tomsk: Tomsk State University Press, 2014 (in Russian)].

Боргояков М.И. О прямом дополнении в хакасском языке. *Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. 1957. Вып. V. С. 3–14 [Borgoyakov M.I. About Direct Object in Khakass Language. *Uchenye zapiski Khakassskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii*. 1957. Vol. 5. Pp. 3–14 (in Russian)].

Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М.: Наука, 1983 [Vasiliev D.D. *Graphic Fund of Monuments of the Turkic Runic Writing of the Asian Area (An Experience of Systematization)*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Васильев-Дьаргыстай Ю.И. Өбүгэлэрбит көмүс иһиккэ суруктара. *Саха сирэ*. 2009(1). олунньу 13 к. [Vasil'ev-D'argystai Yu.I. Writing of Our Ancestors on Golden Vessels. *Sakha sire*. 2009(1). 13 February. (in Yakut)]. <http://sakha-sire.ru/2009/02/13/%D3%A9%D2%AFayeydhaco-e%D3%A9%D2%AFn-e%D2%BBeeey-nodhooeodha/>

Васильев-Дьаргыстай Ю.И. Өбүгэлэрбит курыканнар суруктара. *Кыым*. 2009(2). № 5 [Vasil'ev-D'argystai Yu.I. Writing of Our Ancestors Quryqans. *Куут*. 2009(2). No. 5 (in Yakut)] www.kyym.ru/old/?nid=125&id=1284

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.). *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции*. Отв. ред. Л.П. Потапов. Т. I. *Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 73–150 [Grach A.D. Archaeological Researches in Kara-Xol and Mongun-Taiga (Field season 1958). *Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition*, ed. L.P. Potapov. T. I. *Materials on the archeology and ethnography of Western Tuva*. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1960. Pp. 73–150 (in Russian)].

Древнетюркский словарь. Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969 [Old Turkic Dictionary, ed. by V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Scherbak. Leningrad: Nauka, 1969 (in Russian)].

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. *Труды Государственного исторического музея*. 1941. Вып. 16. С. 75–117 [Evtiukhova L.A., Kiselev S.V. Report on the Work of the Sayano-Altai Archaeological Expedition in 1935. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*. 1941. Vol. 16. Pp. 75–117 (in Russian)].

Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. *Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад*. СПб.: «Славия», 1997 [Zalesskaya V.N., Lvova Z.A., Marshak B.I., Sokolova I.V., Fonyakova N.A. *The treasures of Khan Kubrat: The Pereshchepino hoard*. St. Petersburg: Slaviia, 1997 (in Russian)].

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1865 г.). *Труды Государственного исторического музея*. 1926. Вып. 1. С. 71–106 [Zakharov A.A. Materials on the Archaeology of Siberia (Excavations of V.V. Radlov in 1865). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*. 1926. Vol. 1. Pp. 71–106 (in Russian)].

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. *Могилище Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине*. Новосибирск: НГУ, 1992 [Ilyushin A.M., Suleymenov M.G., Guz' V.B., Starodubtsev A.G. *Sapogovo Burial Ground: A Monument of the Ancient Turkic Period in the Kuznetsk Depression*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 1992 (in Russian)].

Камалов А.К. *Древние уйгуры VIII–IX вв.* Алматы: Изд. дом «Наш мир», 2001 [Kamalov A.K. *Ancient Uighurs in 8th–9th centuries*. Almaty: Izdatel'skii dom "Nash mir", 2001 (in Russian)].

Киселев С.В. *Древняя история Южной Сибири*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949 [Kiselev S.V. *The Ancient History of Southern Siberia*. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1949 (in Russian)].

Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация). *Советская тюркология*. 1980. №3. С. 82–95 [Kljashpornyi S.G. Terkhin Inscription (Preliminary publication). *Soviet Turkology*. 1980. No. 3. Pp. 82–95 (in Russian)].

Кляшторный С.Г. *Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии*. СПб.: Наука, 2006 [Kljashpornyi S.G. *Old Turkic Writing Monuments and ethnocultural History of Central Asia*. St. Petersburg: Nauka, 2006 (in Russian)].

Кляшторный С.Г. Суджинская надпись: этапы интерпретации. *Basileus. Сборник статей, посвященных 60-летию Д.Д. Васильева*. Под ред. И.В. Зайцева. М.: Вост. лит-ра РАН, 2007. С. 193–197 [Kljashpornyi S.G. Suji Inscription: Stages of Interpretation. *Basileus. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of D.D. Vasilyev*. Ed. I.V. Zaitsev. Moscow: Vostochnaia literatura RAS, 2007. Pp. 193–197 (in Russian)].

Кононов А.Н. *Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.* Л.: Наука, 1980 [Kononov A.N. *Grammar of the Language of the Turkic Runic Monuments of the 7th–9th centuries*. Leningrad: Nauka, 1980 (in Russian)].

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008 [Kormushin I.V. *Tiurkskie eniseiskie epitafii: grammatika, tekstologiya* = *Turkic Yenisei epitaphs: grammar, textology*. Moscow: Nauka, 2008 (in Russian)].

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая. *Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока*. Отв. ред. А.П. Погожева Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–160 [Kubarev V.D. New Information About the Ancient Turkic Enclosures of Eastern Altai. *New in Archae-*

ology of Siberia and the Far East. Ed. A.P. Pogozeva Novosibirsk: Nauka, 1979. Pp. 135–160 (in Russian)].

Кубарев Г.В. *Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников)*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005 [Kubarev G.V. *The Culture of the Ancient Turks of Altai (based on Materials from Funerary Monuments)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005 (in Russian)].

Кубарев Г.В. Руническая надпись из Калбак-Таша II в Центральном Алтае. *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. Т. 44. № 4. С. 92–101 [Kubarev G.V. Runic inscription on the rock of Kalbak-Tash II. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2016. Vol. 44(4). Pp. 92–101 (in Russian)].

Кызласов Л.Р. *История Тувы в средние века*. М.: Изд-во МГУ, 1969 [Kyzlasov L.R. *History of Tuva in the Middle Ages*. Moscow: Moscow State University Press, 1969 (in Russian)].

Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951 [Malov S.E. *Old Turkic Writing Monuments. Texts and Analysis*. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1951 (in Russian)].

Малявкин А.Г. *Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв.* Новосибирск: Наука, 1974 [Malyavkin A.G. *Materials on the History of the Uighurs in the 9th–12th centuries*. Novosibirsk: Nauka, 1974 (in Russian)].

Маннай-оол М.Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. *Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. 1963. Вып. X. С. 238–246 [Mannai-ool M.Kh. The results of archaeological research of the Tuva Research Institute of Language, Literature and History in 1961. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii*. 1963. Vol. 10. Pp. 238–246 (in Russian)].

Мухарева А.Н., Серегин Н.Н. Гравированные изображения на плите тюркской оградки комплекса Годон-Гол V (Монгольский Алтай). *Известия Алтайского государственного университета. Сер. «Исторические науки и археология»*. 2016. № 2 (90). С. 229–235 [Mukhareva A.N., Seregin N.N. The Engraved Images on a Plate of the Turkic Enclosure in the Complex Godon-Gol-V (Mongolian Altai). *Izvestiya of Altai State University. Series "Historical Sciences and Archeology"*. 2016. Vol. 2(90). Pp. 229–235 (in Russian)].

Николаев В.С., Кубарев Г.В., Кустов М.С. Серебряные сосуды с острова Муруйский. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2008. № 1(6). С. 175–183 [Nikolaev V.S., Kubarev G.V., Kustov M.S. Silver vessels from the Muruiski Island. *Reports of the Laboratory of ancient technologies*. 2008. Vol. 1(6). Pp. 75–183 (in Russian)].

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990 [Ovchinnikova B.B. *Turkic Antiquities of Sayano-Altai Region in 6th–10th centuries*. Sverdlovsk: Ural State University Press, 1990 (in Russian)].

Осава Т., Сузуки К., Лхундэв Г. Заамарын Шороон Довоос олдсон мөнгөн сав дээрх руни бичээс. *Археологийн суудал*. 2011. Т. XXX(X). Fasc. 8. 139–145 тал. [Osawa T., Suzuki K., Lkhundev G. A Newly Discovered Runic Inscription Engraved on a Silver Vessel from Zaamar Soum. *Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae*. 2011. Vol. 30(10). Fasc. 8. Pp. 139–145 (in Mongolian)].

Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. *Эртний нүүдэлчдийн бунхант булины малтлага судалгаа: Булган Аймгийн Баяннуур Сумын Улаан хэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан*. Улаанбаатар: “Соёмбо Принтинг” Хэвлэлийн Үйлдвэр, 2013 [Ochir A., Erdenebold L., Kharzhaubay S., Zhantegin Kh. *An Experience of an Excavation of the Ancient Nomadic Tomb: Survival Report on the Excavation of a Shoroan Bumbagar Tomb in Baiannuur Sum, Bulgan Aimag, Ulaanbaatar: "Soyombo Printing" Khevelelin üildver*, 2013 (in Mongolian)].

Рогожинский А.Е., Черемисин Д.В. Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации). *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2019. Т. 47. № 2. С. 48–59 [Rogozhinsky A.E., Cheremisin D.V. The Tamga Signs of the Turkic Nomads in the Altai and Semirechye: Comparisons and Identifications. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2019. Vol. 47(2). Pp. 48–59. (in Russian)].

Савинов Д.Г. *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984 [Savinov D.G. *The Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Period*. Leningrad: Leningrad State University, 1984. (in Russian)]

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34. *Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок)*. Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. С. 104–124 [Savinov D.G. Burtkek-34 burial ground. *Ancient cultures of the Bertek Valley (Gorny Altai, Ukok Plateau)*. Ed. V.I. Molodin. Novosibirsk: Nauka, 1994. Pp. 104–124 (in Russian)].

Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные)*. М.: Наука, 1974 [Sevortian E.V. *Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic Vowels)*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Серегин Н.Н., Тишин В.В. *Некоторые аспекты изучения «западного» направления контактов элиты тюрков Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 5(43). С. 9–14 [Seregin N.N., Tishin V.V. Some Aspects of the “Western” Contacts of Turkic Elite of Central Asia in the Second Half of 1st Thousand A.D. *Tomsk State University Journal of History*. 2016. No. 5(43). Pp. 9–14 (in Russian)].

Тишин В.В. Кто же ты, «сын кыркыза»? Или снова о Суджинской надписи. *Тюркологический сборник. 2015–2016: Тюркский мир Евразии*. Ред. кол. Т.Д. Скрынникова (пред.), Т.И. Султанов, И.В. Зайцев. М.: Наука; Вост. лит-ра, 2018. С. 275–295 [Tishin V.V. Who are You, the “Son of Qırqız”? Or Again about the Suji Inscription. *Tiurkologicheskii sbornik. 2015–2016: Tiurkskii mir Evrazii*. Ed. T.D. Skrynnykova, T.I. Sultanov, I.V. Zaytsev. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 2018. Pp. 275–295 (in Russian)].

Тишин В.В. Новая древнетюркская руническая надпись из местности Ямаан Ус. *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2019. Т. 18. № 2: Филология. С. 38–46 [Tishin V.V. Newly Found Old Turkic Inscription from Yamaan Us. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2019. Vol. 18. No. 2: *Philology*. Pp. 38–46 (in Russian)].

Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии. *Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Документы, исследования, материалы*. Ред.-сост.: Д. Джунушалиев, А. Какеев, В. Плоских. Бишкек: НАН Республики Кыргызстан, Изд-во Наука, 2003. С. 134–139 [Khudyakov Yu.S. Irano-Turkic Cultural Symbiosis in Central Asia. *Problems of the Political Genesis of Kyrgyz Statehood. Documents, Studies, Materials*. Ed. D. Dzhunushaliev, A. Kakeev, V. Ploskikh. Bishkek: NAS of the Republic of Kyrgyzstan, Nauka, 2003. Pp. 134–139 (in Russian)].

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Қ») (~«К»). Отв. ред. Г.Ф. Благова. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 1997 [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Starting with Letters “K” (~“G”) and “Q” (~“Q”). Ed. G.F. Blagova. Issue 1. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997 (in Russian)].

Alimov R. *Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme*. Konya: Kömen Yayınları, 2014.

Alyılmaz C. Karı Çor Tigin Yazıtı. *TEKE: Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2013. Sayı 2/2. S. 1–61.

Baştuğ Sh. Kök Türkük Kinship Terminology: An Omaha Model. *Central Asiatic Journal*. 1993. Vol. 37. № 1–2. Pp. 1–19.

Ceylan A. Doğu Anadolu'da Kaya Resimlerinin Türk Tarihi Açısından Önemi. *Bilim ve Ütopya*, 2008. Sayı 163. S. 26–35.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Emre A.C. *Türkçede İsim Temelleri: Mukayeseli Türk Gramerine Hazırlık İrdemleri*. İstanbul: Bühraneddin Basımevi, 1943.

Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.

Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004.

Giraud R. *L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. Illustré de 4 cartes en hors texte*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960.

Kara G., Zieme P. *Die uigurischen Übersetzungen des Guruyogas „Tiefer Weg“ von Sa-skya Paṇḍita und der Mañjuśrīnāmāsaṃgīti*. Berlin: Akademie Verlag, 1977.

Kenk R. *Früh- u. hochmittelalterliche Gräber von Kudyrge im Altai. / Frühmittelalterliche Gräber aus West-Tuva*. München: Verlag C.H. Beck, 1982.

Kubarev G.V. A Runic Inscription on a Silver Vessel from the Bratsk Reservoir. *Interpreting Runic sources and the Altay corpus*. Ed. by I. Nevskaya, M. Erdal. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2015. Pp. 56–64.

Luo Xin. Karı Çor Tigin Yazıtının Çincesi ve Karı Çor Tigin'in Şeceresi. *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2013. Sayı 2/2. S. 62–78.

Moriyasu Takao 森安孝夫. Site and Inscription of Šine Usu [Shineusu iseki hibun シネウス遺蹟・碑文]. *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998* [Mongoru kuni genson iseki hibun chōsa kenkyū hōkoku モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告]. Ed. T. Moriyasu, A. Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. Pp. 177–195 (in Japanese with English translation of the inscription).

Munkhtulga R. Silver Vessels from Ancient Turkic Period Found in Mongolia. *ACCU Nara International Correspondent*. 2013. Vol. 12. Pp. 27–32.

Osawa T. New interpretation of the Old Turkic inscription on the silver vessel from the Murui region. *Алтай в кругу евразийских древностей: тезисы докладов международного научного семинара «Алтай в кругу евразийских древностей» (28–30 ноября 2016 г., Новосибирск)*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 57–59 [Osawa T. New interpretation of the Old Turkic inscription on the silver vessel from the Murui region. *Altai Among The Eurasian Antiquities. Abstracts of the International scientific workshop "Altai Among The Eurasian Antiquities" (November 28–30, 2016, Novosibirsk)*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 57–59].

Ölmez M. Moğolistan'da Yeni Bulunan Eski Türkçe 'Dongoin Şiree' Yazıtları Üzerine Notlar / Notes on Old Turkic 'Dongoin Shiree' Inscriptions. *Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*. 2017. Cilt 57. Sayı 57. S. 161–178.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТИШИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ, Россия.

Vladimir V. TISHIN, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology Siberian Branch RAS, Ulan-Ude, Russia.

РОГОЖИНСКИЙ Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан.

Alexey E. ROGOZHINSKIY, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology named after A. Margulan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.

СЕРЕГИН Николай Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ, Россия.

Nikolai N. SEREGIN, Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Laboratory for the interdisciplinary study of Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, Russia; senior research fellow, Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology Siberian Branch RAS, Ulan-Ude, Russia.

Табл. 1. Металлические сосуды из памятников тюрков Центральной Азии и их изображения на каменных изваяниях.

1 - Талдуайр-I (по: Кубарев, 2005, табл. 100.-7); 2 - Балык-Соок-I (по: [Кубарев, 2005, табл. 130.-1]); 3 - Мойгун-Тайга-58-IV (по: [Kenk, 1982, Abb. 17.-38]); 4 - Бертек-34 (по: [Савинов, 1994, рис. 108]); 5 - Туэкта (фото Н.Н. Серегина); 6-8 - каменные изваяния в экспозиции Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина (фото Н.Н. Серегина).

Табл. 2. Муруйский клад, сосуд 1:
 1 – общий вид; 2, 3 – тамги на донце сосуда.
 Фото В.В. Тишина и Н.Н. Серегина; рисунок А.Е. Рогожинского.

№	ТАМГА	МОНУМЕНТЫ	ПЕТРОГЛИФЫ И ПРЕДМЕТЫ
I-1			
I-2			
I-3			
I-4			

Табл. 3. Муруйский клад, сосуд 1. Тамги на сосуде и их аналогии.

Карта расположения памятников с тамгами:

- 1 – Могойн Шинэ-усу; 2 – Бугут; 3 – Шивэт-улан; 4 – Кары Чор-тегин; 5 – Курай I;
 6 – Сырнах-Гозы; 7 – Тайхар (Хойт-Тамир); 8 – Хуругийн узур; 9 – Телсей (Е-116);
 10 – Суджи; 11 – Зурийн-овоо; 12 – Шахаар; 13 – Бичигт-Улан-хад; 14 – Янгирт;
 15 – Байшинт; 16 – Тэрхийн; 17 – Учум; 18 – Калбак-Таш II.

Табл. 4. Муруйский клад, сосуд 2:

1 – общий вид; 2, 3, 4 – тамги на горловине сосуда; 5 – знаки, рисунки и руническая надпись на донце сосуда, 6 – прорисовка основных граффити на донце сосуда.
 Фото В.В. Тишина и Н.Н. Серегина; рисунок А.Е. Рогожинского.

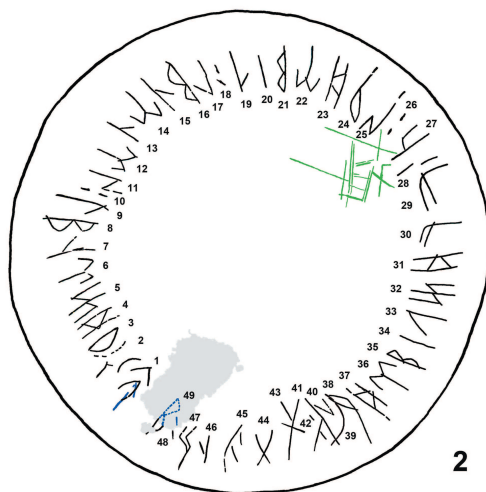
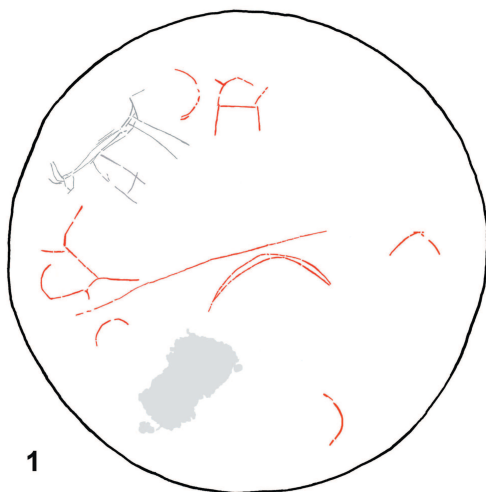
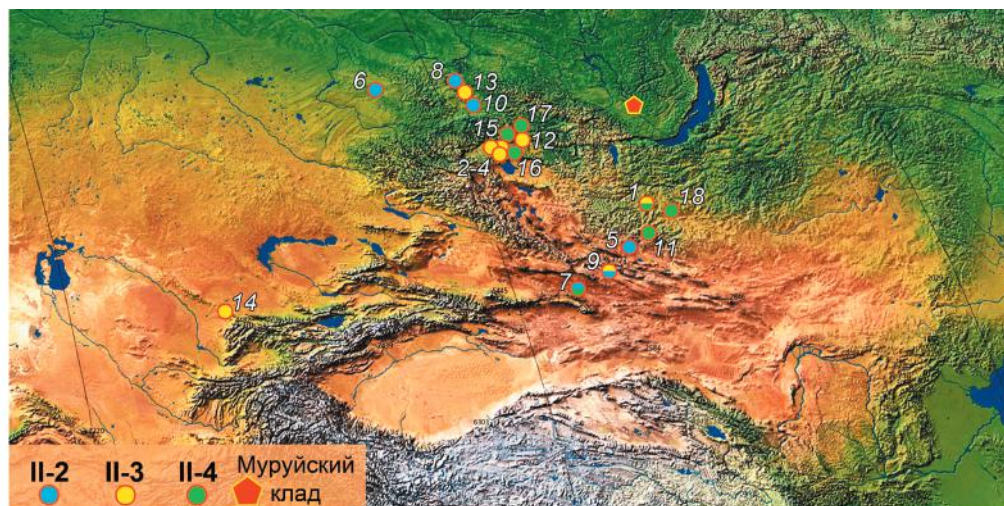

Табл. 5. Муруйский клад, сосуд 2:

1 – тамги и изображение животного на донце сосуда;

2 – тюркская руническая надпись и «иероглиф».

Рисунки А.Е. Рогожинского, реконструкция текста надписи В.В. Тишина.

№	ТАМГА	МОНУМЕНТЫ	ПЕТРОГЛИФЫ И ПРЕДМЕТЫ
II-1		?	?
II-2			
II-3			
II-4			

Табл. 6. Муруйский клад, сосуд 2. Тамги на сосуде и их аналогии.

Карта расположения памятников с тамгами:

- 1 – Шивэт-улан (тамга на стеле и петроглиф); 2 – Ээрбек I (Е-147); 3 – Ээрбек II (Е-149);
 4 – Элегест III (Е-53); 5 – Гурван-мандал; 6 – Сапогово; 7 – Бичигт-хад; 8 – Черемушный Лог;
 9 – Шахаар; 10 – Усть-Туба; 11 – Тайхар (Хойт-Тамир); 12 – Малый Баянкол; 13 – Туран;
 14 – Карасай; 15 – Уюк-Аржан (Е-2); 16 – Бай-Булун (Е-51); 17 – Уюк-Оорзак II (Е-109);
 18 – Бичигт-Улан-хад.